

* * *

Дешёвых дач нахохлившихся чубы,
где виноград, откинувшийся ниц,
где ждут дождя, как смерти или чуда.
И дождь везут. И грохот колесниц.
И длинных рук, рабочих, постаревших,
десяток рук заштопывают даль.
И друг о друга — высохший орешник,
и о фасад — со скрежетом — миндаль.
Подпёрт забор оставленным поленом
на всякий случай — мало ли чего.
Не мало. И целует баба Лена,
меня целует в жаркое чело.

* * *

С последним негреющим светом.
Последним. А всё — на потом.
И судьбы ложатся валетом,
ложатся дороги крестом.

И снится пустой полустанок
и сливы в горячей пыли,
как поезд, качнувшийся набок,
касается сонной земли.
Как вскакиваю на подножку
под грай воронья и грачей,
как всё же с людьми понарошку,
как всё-таки — страшно ничей.
Верста позади. И — вторая.
Вот станция. Бабы. Галдёж.
И где-то растерянно с краю
ты первой любовью идёшь.

* * *

Мне снилось поле, снился ветер,
закат полоскою горел,
последний луч в ворону метил
и ни черта уже не грел.
В траве — ссутуленные гномы —
торчали старые кресты,
и были, кажется, знакомы
углов округлые черты.
Как будто бы сегодня утром
их заколачивали тут,
но век прошёл в томленьи смутном,
и не случился Высший Суд.
И вот среди пустого поля,
что так мучительно пусто,
одни кресты без Божьей воли
да воля Божья без крестов.

* * *

Мы глядели в глаза
и о том и о сём говорили,
и закат —
растолстевшим за зиму котом —
лёг усами к Москве,
а хвостом под Воронежем или
под ростовским железнодорожным мостом.
И качали ссутуленный месяц
кудлатые лапы,
и поскрипывал гвоздь,
на котором тот месяц висел,
и, наверное, кто-то сейчас
от бессилия плакал,
и с ведром молока
шла доярка по крупной росе.
И, наверное, пальцы в галошах
от холода жались
и беззубо и жадно
жевала галоши земля,
и завязывал леший на узел
лужёную завязь...
Было всё. Только прежде —
глядели глаза на меня.
А под ними — как бусинки —
белые капельки пота,

а над ними — как ниточки —
чёрные стёжки бровей.
Были б бусы,
но мне не по силам работа,
тебе нужен другой —
поуверенней и посильней.

* * *

Холодный день на левом берегу
Воронежского моря, над которым
седая птица в мартовском снегу,
прокашлявшись, солирует минором.
Разодранная надвое страна
тремя мостами держится, покуда
есть основанье летошнего дна
и ощущение завтрашнего чуда,
и оправданье вечного креста,
согнувшего неопытную спину.
Здесь Триединство Бога — три моста,
навечно заколоченные в глину.
Холодный день. Холодная ладонь.
И птица, поперхнувшаяся снегом,
несётся меж взъерошенной водой
и неизбывным падающим небом.